

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА.

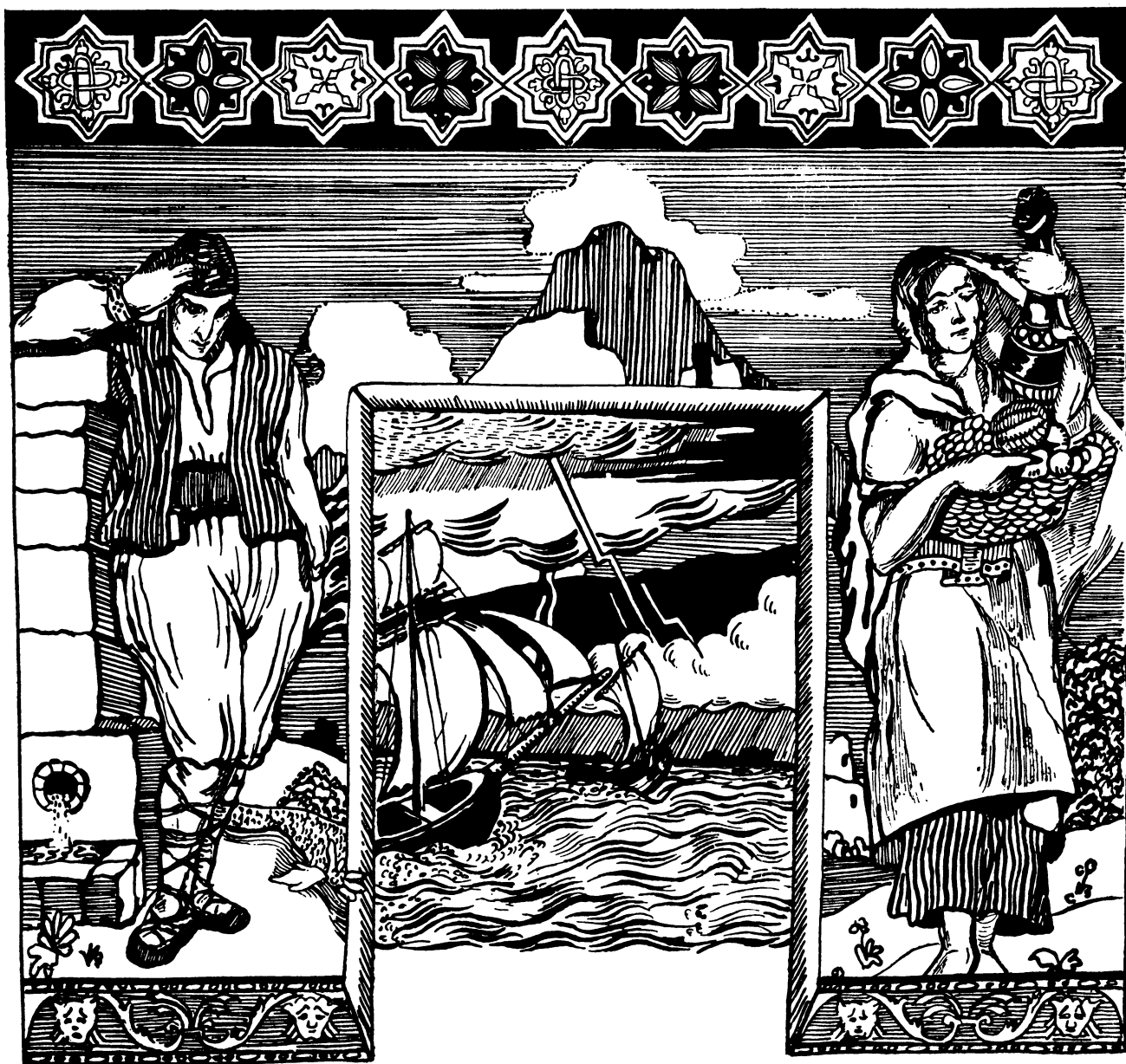
ОДЕССА — 1917.

Посвящаемъ эту книгу свѣтлой памяти Николая Федоровича Агапьева, отдавшаго служенію книгъ свои послѣднія силы.

Н. Марксъ, И. Захаровъ, Н. Агапьева.

Недавно сошедшій въ могилу старый педагогъ Н. Ф. Агапьевъ посвятилъ всего себя Пушкинской народной читальнѣ въ Москвѣ и устройству при ней лекцій.

ЭЛЬКЕНЬ-КАЯ, ПАРУСЬ-СКАЛА.

(Керченская легенда).

Поднимай парусъ, старый корабль, крѣпи снасти. Будетъ штормъ!
Много штормовъ пережилъ Ерги Псарасъ, не думаль, что впереди
еще самый страшный.

Давно не выходилъ онъ въ море и жилъ въ покоѣ на старости лѣтъ.

Каменные склады въ гавани ломились отъ его товаровъ ; мраморный дворецъ Псараса считался красой Пантикапеи, а юноша-сынъ заставлялъ сильнѣе биться женскія сердца.

Пора было выбрать для него достойную, и Ерги Псарасъ, казалось, нашелъ одну.

По волѣ отца сынъ часто навѣщалъ домъ купца изъ Кафы, но возвращался отъ невѣсты всегда задумчивый и печальный.

— Любовь, видно, такая госпожа, смѣялся старикъ, что если кто подчинится ей, она схватитъ за волосы и отведетъ на рынокъ невольниковъ. Вотъ и тебя тоже.

Не спорилъ сынъ, думая о той, которую любилъ.

Та, другая, жила въ дальней деревнѣ, куда сынъ Ерги Псараса навѣщалъ, чтобы купить пшеницу.

Морщинки уже побѣжали по ея лицу и голосъ не звучалъ по дѣвичьи.

Но въ глазахъ жилъ веселый смѣхъ и каждое движеніе ея звало на радость.

И, встрѣтивъ ее, юноша почувствовалъ, какъ подернулись глаза пьянымъ туманомъ, и цѣпи любви, сильнѣе оковъ, обвили его, какъ преступника.

А она узнала слезы отъ счастья и горе отъ любви и поняла, что поздній призывъ жизни можетъ быть сильнѣе смерти.

— Кому, какъ не мнѣ, горевать, кому, какъ не мнѣ, тосковать ; у всѣхъ подъ окномъ поютъ соловьи, но весна обошла мою дверь.

И думала о своемъ мальчикѣ, котораго отняли у нея въ давніе дни. И вспоминала рыбака-мужа, и ревнивый нравъ его, и жестокую расправу съ нею.

Его звали также Ерги, но, кромѣ рыбацѣй ладьи, у него не было ничего другого, и жилъ онъ на побережьѣ Сугдеи, далеко отъ пантикапейскихъ береговъ.

Не дѣлилась женщина своею скорбной думой съ юношей, боялась затмить свѣтлую минуту встрѣчи.

И безъ того часто печаленъ былъ онъ, и слеза сбѣгала съ его глазъ.

И замѣчая это, она прижималась къ его устамъ въ замирающемъ поцѣлуѣ и, обвиняя его станъ нѣжной рукою, напѣвала старую пѣсенку :

— Любовь безъ горя, любовь безъ слезъ,

То же, что море безъ бурь и грозъ.

А между тѣмъ отецъ торопилъ своего сына: корабль уже былъ готовъ, чтобы итти въ Кафу за невѣстой.

Ждали только попутнаго вѣтра—поднять паруса. И когда вѣтеръ зашумѣлъ отъ Камышъ-буруна, Ерги Псарасъ позвалъ сына.

— Пора выходить въ море.

Хотѣлъ сказать что-то сынъ, но увидѣлъ суровое лицо отца, и замерло его слово.

Къ ночи вышелъ корабль изъ гавани, и тогда слуга подалъ старику свитокъ.

— Тебѣ отъ сына.

Прочелъ Ерги Псарасъ.

Если бы ураганъ, который поднялся въ груди его, могъ вырваться на волю, онъ сравнялъ бы всю землю на пути отъ Пантикапеи до Кафы. И если бы свинецъ тучъ, нависшихъ надъ Митридатомъ, опустился на голову старика, онъ не показался бы болѣе тяжелымъ, чѣмъ правда, которую узналъ Ерги Псарасъ изъ письма сына.

— Пусть будетъ трижды проклято имя этой женщины. И лучше своей рукой убить сына, чѣмъ онъ станетъ мужемъ своей матери. Поднимай паруса, старый корабль, служи послѣднюю службу.

И Ерги Псарасъ кричалъ корабельщикамъ объ отчалѣ.

— Съ ума сошелъ старикъ, ворчали люди.

— Штормъ, какого не бывало, а корабль, какъ дырявое рѣшето.

Но звякнули поднятые якоря, и рванулось впередъ старое судно.

Какъ въ былые дни, самъ Ерги направлялъ его бѣгъ, и забыли оба, что одинъ дряхлѣе другого.

Гудѣлъ ураганъ. Взметная волна захлестывала борта, отъ ударовъ ея трещалъ корабельный станъ.

— Въ трюмахъ течь, крикнулъ шкиперъ.

Вадрогнулъ Ерги, но, увидѣвъ впереди мачтовый огонь, велѣлъ только прибавить парусовъ.

Точно влетѣлъ на воздухъ его корабль, однимъ взмахомъ прорѣзалъ нѣсколько перекатовъ волны; вмѣстѣ съ бѣшеннымъ валомъ упалъ въ бездну, почти коснулся морского дна и снова бросился на огромный, какъ гора, гребень.

И съ вершины его увидѣлъ Ерги Псарасъ, всего въ нѣсколькихъ локтяхъ отъ себя, корабль сына.

И былъ мигъ, когда оба корабля, ставъ рядомъ, коснулись бортами.

Бѣлая молнія разсѣкла черное небо, страшнымъ ударомъ расколола береговой утесъ, разбила край Опукъ-кая и обрушила его въ заливъ тысячью обломковъ.

Покрылся заливъ бѣлой пѣной, сквозь тучи пробился свѣтъ луны, и узналъ Ерги сына и женщину съ золотистыми волосами. Узналъ Ерги эти волосы и крикнулъ сыну, пересиливая ураганъ:

— Она твоя мать, будьте прокляты оба!

Налетѣлъ новый шквалъ, уходящій гребнемъ къ небу, бросилъ

всѣхъ на дно развернувшейся пучины, и исчезли они навсегда въ морскихъ нѣдрахъ.

Такъ было.

Вѣрьте.

А на томъ мѣстѣ, гдѣ случилось, увидѣли люди потомъ двѣ скалы и приняли ихъ за корабли, догоняющіе другъ друга.

Пробѣгаютъ суда мимо этихъ скалъ, видятъ ихъ люди и принимаютъ попрежнему за корабли, а подойдя ближе, улыбаются своему обману.

И не знаютъ, что въ обманѣ—правда.

СТАРЫЙ ХРАМЪ.

(Керченская легенда).

Теперь старый керченскій храмъ ушелъ въ землю, сгорбился, какъ старикъ, который несетъ на плечахъ много лѣтъ.

Кругомъ выросли богатые, высокіе дома; грохочутъ фабрики; вытянулись, какъ шея жирафы, заводскія трубы. И среди нихъ затерялся старый храмъ; мало слышнень, плохо видень. И все же не хочетъ перестать жить.

И, можетъ быть, переживетъ насъ, какъ пережилъ многихъ.

Керченскіе греки въ тишинѣ вечера любятъ слушать мелодичный звонъ его колоколовъ; они чтутъ его старыя святыни; поклоняются иконѣ, которая дошла отъ дней, когда впервые служилъ въ храмѣ пантикапейскій епископъ.

Объ этихъ дняхъ не забыли, хотя и прошли съ тѣхъ поръ многія сотни лѣтъ. Не забыли, потому что то, что случилось, бываетъ и теперь.

Говорятъ, въ ночь подъ великій праздникъ стояли тогда у амвона двѣнадцать братьевъ, и тысячная толпа христіанъ не знала, кто изъ нихъ прекраснѣй. Такъ красивы и стройны были все двѣнадцать, такую доблестью и отвагою дышали ихъ лица. И свѣтомъ чистой совѣсти.

Ибо исполненный долгъ даетъ ее людямъ, а братья построили храмъ Предтечѣ, какъ обѣщали матери.

— Помяни, Господи, душу ея въ царствѣ свѣта.

И епископъ, наклоняясь надъ престоломъ, поминалъ имя матери и не поминалъ двухъ другихъ: не былъ христіаниномъ отецъ, а имя безумной сестры не вѣщалось въ храмѣ.

Но скорбѣлъ о томъ престолослужитель и шепталъ трижды святую молитву, когда доносился жалобный стонъ отъ окна алтарной абсиды.

Сливался тотъ стонъ съ голосомъ декабрьскаго шторма, и было не по себѣ многимъ. Вздвигивалъ ураганъ, чтобы заглушить стенанья мятущейся души, и вдрагивали бровью братья отъ боли и гнѣва.

Казалось, съ порывомъ бури проникалъ въ храмъ туманный образъ

сестры, въ струйкахъ кадилаго дыма вился по колоннамъ и, не доходя до престола, угасалъ въ мерцаньи догорающихъ лампадъ.

Чтобы облегчить сердце, братья думали о чистой душѣ матери, о свѣтломъ часѣ ея кончины.

Съ свѣтильникомъ въ рукѣ, прежде чѣмъ проститься съ земнымъ, завѣщала она дѣтямъ поднять надъ Пантикапеей крестъ.

— Во имя Крестителя.

И поклялись они сдѣлать такъ, и пока не воздвигнутъ храма, забыть радости жизни и счастье ликующихъ грезъ.

Двѣнадцать братьевъ и сестра, чище которой не было въ мірѣ лиліи.

Нужны были годы вѣры и труда, чтобы исполнить обѣтъ. Съ именемъ Христа, камень за камнемъ, братья воздвигали стѣны. А сестра приносила имъ пищу, омывала раны и нѣжной заботой своей отражала душу матери.

Но на Митридатовой горѣ жилъ старый жрецъ, ненавидѣвшій христіанъ, и сынъ его, начальникъ Горной части, былъ послѣдователемъ отца.

Онъ былъ красивъ, точно самъ Аполлонъ вдохнулъ въ него часть своей красоты, и смѣлый взоръ его проникалъ въ сердце женщины.

Оттого братья боялись, чтобы не увидѣлъ онъ сестры, чище которой не было лиліи, какъ думали они.

Подходила работа къ концу, становилось радостнѣе на душѣ у братьевъ, и только скорбная тѣнь на лицѣ дѣвушки печалила ихъ.

— Все груститъ по матери.

Не знали, что случилось.

Въ лѣтнюю ночь, когда морской заливъ горѣлъ въ брилліантахъ отраженій, сидѣла она на ступеняхъ Босфорскаго схода, глядѣла въ глубокое небо и говорила съ звѣздой.

— Гдѣ ты, мама?

И вадрогнула въ испугѣ и въ смущеніи, когда красавецъ юноша коснулся ея плеча.

Его длинныя кудри падали черными кольцами, и одно изъ нихъ коснулось ея лица. Коснувшись, обвѣяло чувствомъ жгучей ласки.

— Кто ты, зачѣмъ ты здѣсь?

Не отвѣтилъ на это юноша, или не поняла она его. Шопотъ страсти, какъ туманъ, застилаетъ глаза; отъ него, какъ отъ сладкаго яда, замираетъ сердце.

— Уйди, я чужая тебѣ.

И дѣвушка вырвалась изъ его объятій.

Не сказала ничего на другой день братьямъ, только перестала ходить въ лѣтнюю ночь на ступени Босфорскаго схода, чтобы не встрѣтить больше дерзкаго.

Она ненавидѣла его и воспоминала его рѣчь, боясь позабыть хоть слово.

— Ты будешь моя, говорилъ онъ, и билось сердце отъ голоса власти.

— Оставь свою печаль, убѣждали братья, скоро поднимемъ крестъ; уже радуется свѣтлый духъ матери.

И отъ этихъ словъ еще тяжелѣй становилось на душѣ дѣвушки. Точно кто подломилъ цвѣтокъ, а люди, не замѣчая, говорили о жизни.

Часто не помнила она себя, и когда падалъ въ окно лунный свѣтъ, какъ блѣдный призракъ, тянулась къ нему. Былъ ли то сонъ, но казалось ей, что чернокудрый юноша опять обнимаетъ ее, жжетъ огнемъ холодныя уста, прижимаетъ къ себѣ, и оттого пустѣетъ сердце. И кто-то другой сталъ жить въ ней. И, думая объ этомъ, она не думала уже ни о чемъ больше.

Не спѣшила къ братьямъ, позабыла для нихъ слово ласки. И разъ совсѣмъ не пришла.

Удивились братья.

— Что могло помѣшать?

И, когда спустились сумерки, поспѣшили домой.

Было смутно на душѣ; какъ разсвѣтъ дня передъ казнью, коснулася ужасъ предчувствія.

Уже открылись землѣ свѣты ночи, когда братья подошли къ дому.

— Отчего не пришла накормить насъ? спросилъ старшій братъ, увидѣвъ сестру на порогѣ.

Молчала дѣвушка, безъ слезъ плакали глаза.

— Отчего не пришла?

Хотѣла отвѣтить, но мертвеннымъ шопотомъ шевелились уста.

Въ саду звякнулъ мечъ. Оглянулись туда.

Стройный юноша, у котораго змѣйками сбѣгали по плечамъ кольца черныхъ волосъ, укрылся въ тѣни платана.

— Сынъ жреца!

Тогда бросился къ дѣвушкѣ старшій братъ.

— Это онъ?

Словно упавшая одежда, беззвучно опустилась передъ нимъ дѣвушка.

— Анаѣма есто си!

И взмахомъ ноги онъ откинулъ ее далеко за порогъ.

Пролетѣлъ въ это время пыльный вихрь, подхватилъ лишнюю песчинку и унесъ къ морскому заливу.

Въ тотъ день, когда подняли надъ храмомъ крестъ, на церковной площади собрались всѣ христіане города, а вдали отъ нихъ стояла кучка нехристіанъ, но не было среди нихъ сына жреца. Онъ навсегда ушелъ изъ города.

А вечеромъ, когда луна посеребрила поднятый крестъ, отъ залива надвинулся бѣлый туманъ, хотѣлъ коснуться креста, и унесся въ морскую даль.

Можетъ быть, то не былъ туманъ, а поднималась изъ пучины несчастная душа.

И когда, подъ великій праздникъ, въ храмѣ служилъ впервые епископъ, это она носилась въ вихрѣ урагана вокругъ храма.

Прошло немного времени послѣ того, и на городъ напалъ отрядъ варваровъ.

Пантикапейцы храбро защищали свой городъ, и не мало юношей погибло у его стѣнъ. Погибли и двѣнадцать братьевъ строителей.

Ихъ похоронили въ общей могилѣ у храма и на память вѣкамъ прикрыли могилу плитой.

— Куфи автис іе и ги. Миръ имъ.

Миръ не сошелъ на могилу. Въ ночь подъ великій праздникъ прилетаетъ туда тѣнь сестры, бѣлымъ колеблющимся свѣтомъ преникаетъ къ изголовью могилы, которая уже не видна людямъ, и тогда плачетъ кто-то въ церковной оградѣ голосомъ безысходной тоски.

Но не вѣрить народъ въ безысходность горя.

Есть слухъ, что долженъ вернуться юноша съ кольцами черныхъ волосъ.

Не тотъ, что загубилъ несчастную. Другой, сердце котораго поетъ свѣтлый канонъ. Онъ придетъ къ могилѣ, въ ночь подъ великій праздникъ, подниметъ тяжелую могильную плиту, чтобы мятущаяся тѣнь могла слиться съ тѣнью братьевъ.

Какъ никогда, сами собой зазвучатъ въ ту ночь колокола стараго храма.

И разнесутъ по землѣ мелодію мира и любви.

МЫСЬ ИЛЬИ.

(Θеодосійская легенда).

Чѣмъ ближе къ Ильину дню, тѣмъ ниже нависаютъ облака, душнѣе становится воздухъ и чаще ночныя грозы.

А въ Ильинъ день затемнятся облака, забѣгаютъ змѣи молній и трескомъ громовыхъ раскатовъ напомнить о себѣ пророкъ.

Бѣда попасть тогда въ море. Хорошо, если только сорветъ снасти. Иной разъ закружить судно, швырнуть на скалу и щепками выбросить у мыса Ильи.

Помолись, морякъ, на церковь пророка—не случилось-бы несчастья.

А видна та церковь съ большой дали, хотя и не велика она. Такая, какія строили въ давнія времена.

Въ тѣ времена, когда вѣрили въ Верхнюю силу и знали свою слабость передъ Нею. Хотя и были смѣлы, пожалуй, смѣлѣй, чѣмъ теперь.

Не выдумали люди, что Илья, сынъ Тамары, построившій церковь, въ открытое море ходилъ на дощанкѣ.

А когда сталъ богатымъ и завелъ свой корабль, въ самую страшную бурю не боялся оставить гавань и въ декабрьскій штормъ поднималъ паруса.

Но разъ случилось выйти подъ пророка Илью. Освирѣпѣло въ тотъ день море, овлились небеса и спрятались люди въ жилища. А Илья Тамара поднялъ сразу флакосъ и тринесту и бѣлой чайкой унесся въ волну.

Кто рискнулъ-бы сдѣлать это теперь? Развѣ сумасшедшій.

Далеко ушелъ Тамара въ море, не стало видно береговъ. Не зналъ онъ опасности и не вѣрилъ въ рыбацью сказку объ Ильѣ.

— И молнія, и громъ отъ облаковъ.

И когда подумалъ такъ, накатился на судно валъ выше мачты на много мѣрь.

— Вста темони, клади руль, крикнулъ Тамара рулевому, но оторвался руль, и понеслось судно по волѣ вѣтра къ береговой скалѣ.

Понялъ Илья, что близка гибель, и въ испуганной душѣ шевельнулось сомнѣнiе, не нарастъ-ли его пророкъ за невѣрье.

И въ ту-же минуту пронесся съ сѣвера на югъ громовой раскатъ, и надъ мысомъ, гдѣ теперь церковь Ильи, въ пламени и тысячахъ искръ опустилась огненная колесница.

— Илья! воскликнулъ Тамара, и подумалъ въ душѣ:—На томъ мѣстѣ, гдѣ видѣлъ его, построю ему церковь, хотя-бы пришлось для того продать корабль.

— Матим бистин, своей вѣрой клянусь въ томъ.

Не успѣла остыть эта мысль, какъ примолкла гроза и вѣтеръ съ берега погналъ волну въ море, а съ нею и Тамаринъ корабль.

— Васта темони, прозвучалъ надъ Тамарой чей-то грозный голосъ— и увидѣлъ себя Тамара стоящимъ у руля, который, подплывъ къ судну, сталъ на свое мѣсто.

Къ вечеру достигъ Тамара Сугдеи, сдалъ товаръ и, нагрузившись новымъ, вернулся въ Кафу.

Не разказалъ, однако, никому о случившемся, пожалѣлъ продать корабль и рѣшилъ заработать прежде больше денегъ и тогда построить храмъ.

Сначала рѣшилъ такъ, но вскорѣ передумалъ.

— Не можетъ быть, чтобы все это случилось. Просто приснилось. Колокитъя!

И, успокаивая себя такъ, онъ со временемъ забылъ о своей клятвѣ.

Все шло хорошо; за десятки лѣтъ ни одинъ изъ кораблей его не потерпѣлъ крушенія, и Илья Тамара сталъ богатѣйшимъ купцомъ Кафы.

Однако, въ душѣ, помимо воли, жило что-то, что напоминало о случаѣ въ молодыхъ годахъ. Не любилъ Тамара смотрѣть на гору, гдѣ было ему видѣніе, и избѣгалъ выходить въ море подъ Ильинъ день.

Но однажды, незадолго до этого дня, пришлось ему возвращаться отъ Амастридскихъ береговъ.

— Да будетъ благословенно имя Георгія, патрона той страны!

Попутный вѣтеръ рѣзко несъ корабль и вдали стали уже синѣть Таврскія горы.

И вдругъ сразу стихъ вѣтеръ, точно смело его съ моря, и корабль попалъ въ мертвый штиль.

Больше всего боялся его моряки, но наступалъ Ильинъ день, когда по всему Понту носится вѣтеръ, и Тамара спокойно лежалъ на кормѣ.

Онъ подсчитывалъ барыши и, кончивъ подсчеты, улыбнулся торговой удачѣ.

— Не нужно быть знатнымъ, не нужно быть ученымъ, чтобы хорошо жить. Нужно только быть умнѣ другихъ, чтобы пользоваться ихъ глупостью. Алю пулунде грамата, алю полите гносие!

— Скверная мысль, сказалъ кто-то въ душѣ его, — и вздрогнулъ Тамара.

Поднялся съ ложа, посмотрѣлъ на берегъ. Оттуда медленно надвигались тучи, и зарница сверкала зловѣщимъ глазомъ.

Побѣждала по морю предвѣтренная рябь, за нею береговикъ погналъ волну.

Корабль поднялъ все паруса и взялъ носъ на востокъ, гдѣ была Кафа, но, попавъ въ странное теченіе, не могъ далеко уйти.

А вѣтеръ быстро крѣпчалъ, недобрымъ шумомъ гудѣло море, воздухъ шипѣлъ и свисталъ, завывая.

Не выдержала порыва главная мачта и обломилась.

— Плохо дѣло!

И въ послѣднемъ сумеречномъ свѣтѣ увидѣли гору, гдѣ когда-то случилось видѣніе.

Вспомнилъ о немъ Тамара и смутился духомъ. Настала темь, нельзя было видѣть своей руки; ливень заливалъ потоками палубу; волна

била через борта и въ трюмахъ показалась течь. Истрепались въ клочья штормовые паруса; не слушался корабль руля, какъ гнилая нитка, оборвалась якорная цѣпь, когда нагнало корабль къ берегамъ и попытались бросить якорь.

— Одно чудо можетъ спасти!

И молили люди о чудѣ; умоляли Илью смягчить гнѣвъ; обѣщали весь первый уловъ отдать на свѣчу ему.

А Тамара упалъ на колѣни и въ сердцѣ своемъ поклялся исполнить, что обѣщаль когда-то въ своей юности.

Огненная молнія разсѣкла небо, опалила воздухъ, озарила корабль и скалы, среди которыхъ онъ носился; въ послѣднемъ зигзагѣ скользнула по мачтѣ и загорѣлась сіяніемъ впереди судна.

Кто-то грозный и гнѣвный поднялъ надъ кораблемъ руку. Сверкалъ молніями его взглядъ; въ бѣшенномъ порывѣ рвалась борода; готовы были открыться уста для губельнаго слова.

— Элейсонъ имас, Кирие! Помилуй насъ!

Опустилась рука проклятія и указала погибавшимъ путь спастись.

Въ сторонѣ зажглись нафскіе огни и.... потухло сіяніе.

Какъ убитые, заснули дома корабельные. Не заснулъ только старикъ Тамара. Стоялъ у городского храма и шепталъ слова тропаря:

— Почитающихъ тебя, Илья, исцѣли.

Стоялъ всю ночь и утромъ нашли его тамъ-же. Не узнали его, такъ измѣнился онъ. Покоемъ величія дышало лицо и близостью Неба свѣтились глаза.

И когда черезъ годъ иконный мастеръ писалъ образъ пророка Ильи для новаго храма, который построилъ на горѣ Тамара, это съ него онъ списалъ ликъ пророка.

Оттого не видно гнѣва въ пророческихъ глазахъ и нѣтъ страха, когда смотришь на икону.

Умеръ Тамара большимъ старикомъ и подъ конецъ дней избѣгалъ говорить о пережитомъ, но люди читали объ этомъ въ чистомъ взорѣ его.

Ибо взоръ души человѣческой проникаетъ часто глубже, чѣмъ подсказываетъ рѣчь.

МАМАЕВА МОГИЛА.

(Старокрымская легенда).

Вмѣстѣ съ стужей несетъ сѣверный вѣтеръ снѣжный буранъ и окутывается бѣлымъ покровомъ старокрымскія вехолмья и поляны.

На лунномъ свѣтѣ играетъ искрами Мамаевъ курганъ, точно кто шевелится на его вершинѣ; а когда закружить снѣжный вихрь, кажется, будто поднимается большой бѣлый медвѣдь.

Съ полночи завоетъ выюга и начнетъ медвѣдь свой бурливый ревъ; а какъ только первый свѣтъ различитъ бѣлую нить отъ черной, уйдетъ уваломъ съ Мамаева кургана.

И тогда изъ нѣдръ могильнаго холма слышно ржаніе коней и скрежетъ зубовъ и голосъ проклятій.

У подножія Мамаева кургана закрыта отъ вѣтра могила „азиса“, могила святого, того дервиша, который приходилъ къ Мамаю въ началѣ и концѣ его дней.

Въ началѣ, когда поднималась слава шахи-хана. Въ концѣ, когда закатилась его звѣзда.

Быль день и была ночь. И исполнилось то, что должно было быть. Въ золотомъ шатрѣ, въ нашешмировомъ халатѣ, усеянномъ огнемъ

бриллиантовъ, сидѣлъ Мамай, когда увидѣлъ его дервишъ въ первый разъ въ далекой сѣверной степи.

Гордый своимъ гнѣвомъ шахи-ханъ отвернулся отъ улемовъ и мурзъ, которые склонились передъ нимъ въ трепетъ страха.

А дервишъ, въ отрепьяхъ, шелъ на востокъ поклониться священной Каабѣ.

Замѣтилъ его Мамай и приказалъ позвать.

— Ты исходилъ мѣръ. Скажи, какъ великъ онъ, и много-ли времени надо, чтобы покорить его?

— Мѣръ безпредѣленъ, отвѣчалъ дервишъ, — и безпредѣльно людское желаніе, но могуществу самаго сильнаго человѣка есть предѣлъ.

Усмѣхнулся Мамай.

— Кажется, ты не знаешь, съ кѣмъ говоришь?

Но дервишъ не смутился.

— Даже великій повелитель—все же человѣкъ, ничтожный передъ Аллахомъ.

— Аллахъ на небѣ, разсердился Мамай, — и не вмѣшивается въ земныя дѣла. Оставь свои сказки для глупыхъ людей.

Покачалъ дервишъ головой.

— Жалко мнѣ тебя.

Слишкомъ дерзокъ былъ отвѣтъ, и сверкнулъ шахи-ханъ гнѣвомъ.

— Чтобы ты мнѣ больше не показывался на глаза. Иначе куски твоего тѣла я брошу на кормъ медвѣдямъ.

Поклонился дервишъ Мамаю.

— Буду помнить твои слова. Не забудь и ты.

И ушелъ.

Много странъ исходилъ послѣ этого дервишъ, много дней провелъ въ пути. Достигъ духомъ высокихъ ступеней и забылъ немощи тѣла.

Научился ничѣмъ не дорожить, и оттого, казалось, сталъ богатымъ, не боялся сильныхъ и сдѣлался тѣмъ сильнѣе ихъ.

И жалѣлъ Мамай, хотѣвшаго покорить мѣръ.

Доходили о немъ слухи. Мамаевы войны—какъ рѣка; не сдержать ничѣмъ рѣки. И люди передъ Мамаемъ—какъ листья, которымъ пришла пора упасть.

— Забылъ Мамай, что смертенъ, какъ все, думалъ дервишъ.

И не удивился, когда узналъ, что погибло войско его и только съ немногими спасся онъ въ южныя степи.

— Если убьютъ—мѣръ не одѣнетъ печальныхъ одеждъ, никто не раздеретъ ворота у кафтана.

Но не насталъ еще часъ. Мамаю улыбнулось лицо Аллаха и успѣлъ онъ уйти въ предѣлы Кафы. Тамъ ему обѣщали пріютъ.

Когда пришелъ туда дервишъ, на базарахъ и площадяхъ говорили о Мамаѣ и богатствахъ его, сокрытыхъ въ Шахъ-Мамаѣ въ подвѣмеляхъ ханской ставки.

Будто долго Мамаевы рабы носили туда сундуки съ сокровищами и оружіемъ, и когда засыпали входъ, ханъ приказалъ умертвить ихъ, чтобы никто не зналъ, гдѣ зарыты его богатства.

А по ночамъ къ воротамъ Кафы подходили Мамаевы люди, чтобы посмотрѣть, бодрствуетъ-ли стража, и въ народѣ говорили, будто задумалъ Мамай завладѣть Кафой.

И въ самую темную ночь, когда снѣжная буря загнала всѣхъ въ жилища, у крѣпостной стѣны жалобно прокричала сова. И когда дважды повторился ея крикъ—Мамаевы люди бросились къ стѣнамъ крѣпости.

Но не спала крѣпостная стража и истребила всѣхъ нападавшихъ; всѣхъ, кромѣ одного, который кричалъ совой передъ нападеніемъ.

Иабѣгъ Мамай смерти и скрылся въ тайникѣ водохранилищъ.

И когда, озябшій и голодный, онъ дрожалъ отъ страха смерти, кто-то пошевелился вблизи.

Окликнулъ Мамай и узналъ голосъ дервиша и молилъ спасти его.

— Ты вѣрно забылъ, что запретилъ мнѣ являться на глаза тебѣ, сказалъ дервишъ, вспомнивъ золотой шатеръ и гнѣвъ шахи-хана, и склоненныхъ передъ нимъ улемовъ и мурзъ.

Содрогнулось отъ униженія сердце Мамай, но, пересиливъ себя, онъ отвѣтилъ:

— Тогда тебѣ говорилъ повелитель, а теперь просить иззябшій, голодный человѣкъ.

И исполнилъ дервишъ, о чемъ просилъ его Мамай, — вывелъ за городъ по канавѣ для стока горныхъ водъ.

Еще не наступилъ разсвѣтъ, когда подошли къ дорогѣ на ханскую ставку.

Чудилась Мамаю погоня за нимъ, говорилъ онъ дервишу:

— Ускорь шаги, слышны голоса. Догонять—убьютъ.

Но вѣтеръ донесъ изъ деревни предутренній крикъ пѣтуха, и дервишъ остановился, чтобы совершить намазъ.

— Нашелъ время молиться, — закричалъ на него Мамай, и хотѣлъ идти дальше одинъ, но не зналъ хорошо дороги и боялся заблудиться.

Взглянулъ на него дервишъ. На раннемъ утреннемъ свѣтѣ казалось мертвеннымъ лицо Мамай, и пожалѣлъ онъ его.

— Моли пророка послать миръ твоей душѣ.

И дервишъ говорилъ о томъ, какъ непрочно величіе людей и какъ безумно стремленіе къ нему.

И словами своими сталъ онъ ненавистенъ Мамаю, и не могъ Мамай терпѣть больше униженія передъ нимъ.

— Глупый рабъ, я вырвалъ-бы твой языкъ, если бы было время.

И, выхвативъ ножъ, онъ всадилъ его въ горло дервиша, а чтобы не узнала его погоня, сорвалъ съ убитаго одежду и надѣлъ ее на себя.

А съ бугра неслоь нѣсколько всадниковъ, и передовой, замѣтивъ бѣгущаго въ отрепьяхъ человѣка, принялъ его за бѣглаго раба. И когда бѣжавшій не остановился на его окрикъ, онъ размовжилъ ему палицей голову.

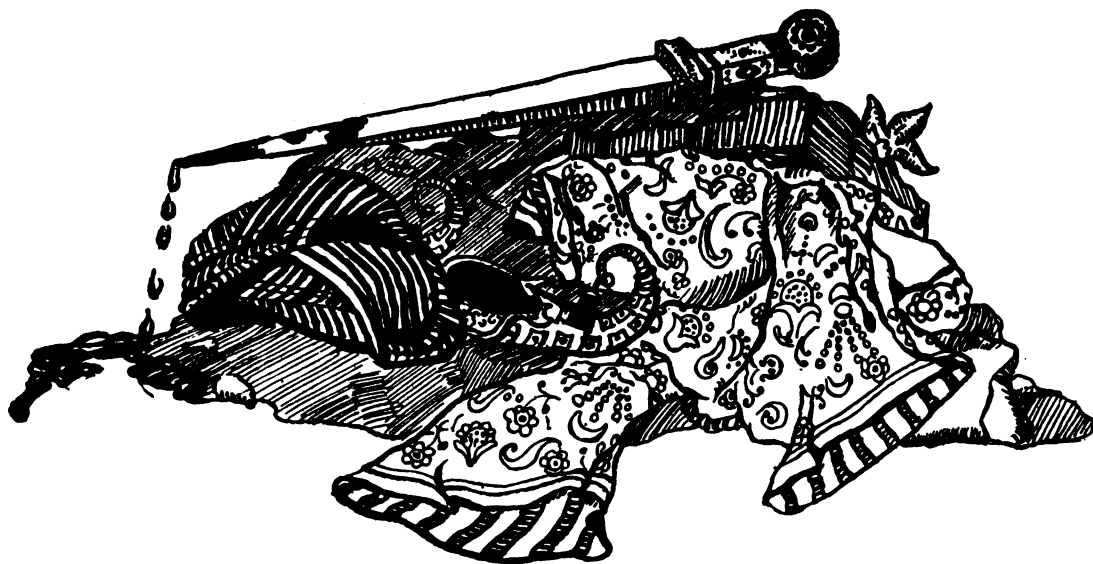
А на утро шахмамайцы нашли оба трупа, одинъ вблизи другого, и похоронили ихъ тамъ, гдѣ нашли.

Но, проникнутые покорностью къ повелителю, насыпали надъ нимъ высокій курганъ, чтобы люди не могли потревожить царскаго праха.

И сохранился Мамаевъ курганъ до нашихъ дней, а рядомъ съ нимъ—могила азиса.

Въ зимнюю непогоду, когда сѣверный вѣтеръ нагонитъ снѣжный буранъ, лучше не ходите мимо кургана.

Можетъ напугать злой медвѣжій ревъ и похолодѣетъ сердце отъ Мамаева стога.

СОЛДАТКИНЪ МОСТЪ

(Старокрымская легенда).

Теперь пройти ночью не страшно, кругомъ застроено. А раньше былъ пустырь и надъ обрывомъ стояла кузня, а въ кузнѣ жилъ цыганъ-кузнецъ.

Билъ молотомъ кузнецъ по наковальнѣ, летѣли въ стороны искры. Скалилъ зубы цыганъ, хохоталъ.

— Хватить по головѣ, мозги, какъ искры, разлетятся.

— А, чтобъ тебѣ! — говорили люди и избѣгали безъ надобности ходить къ кузнецу.

Неподалеку жила молодая солдатка. Мужъ ушелъ на войну въ Туретчину, и два года не было вѣсти о немъ.

— Вѣрно, убили, а не то — такъ просто померъ.

Приглянулась солдатка цыгану, сталъ онъ къ ней захаживать. Когда орѣховъ, когда чего другого носилъ.

Уклонялась солдатка отъ ласки и не хотѣла, чтобы цыганъ вовсе пересталъ ходить къ ней.

Вертѣлась, вертѣлась и забеременѣла.

— Что будемъ дѣлать, если солдатъ вернется? — боялась солдатка.

А цыганъ хохоталъ:

— Ребенка подъ мостъ—и концы въ воду. Чего, дура, робѣешь.

И пришло время родить. Мучилась, мучилась солдатка и родила дочечку.

Бѣленькую, не на цыгана, на солдата похожую.

— Не моя дочь,—вѣрно, съ кѣмъ сблудила.

Толкнулъ женщину ногой и унесъ дѣвочку къ мосту; привязалъ къ ней камень и швырнулъ въ мѣсто поглубже.

И ударили въ это время въ ночной пасхальный колоколь.

Вскрикнуло дитя и замолкло.

— Куда ты дѣвалъ дѣвочку, допытывалась солдатка. — Хоть бы покрестили ее, нехристь ты этакій!

— Покрестилъ самъ ее, хохоталъ злѣе прежняго цыганъ.

Недолго пожила солдатка и померла; все хотѣла позвать свою дочечку, но не знала, какъ позвать, потому что не было у нея христіанскаго имени.

Прошло много лѣтъ. Изъ молодого цыганъ старымъ сталъ, и такимъ непріятнымъ, что не дай Богъ на ночь встрѣтиться. Не заснешь потомъ.

Въ народѣ дурно говорили о немъ. Было много обидъ всякихъ. И одинъ парень не стерпѣлъ, хватилъ его молотомъ по головѣ и разлетѣлись мозги, какъ искры отъ наковальни.

А вскорѣ развалилась и цыганская кузня.

Судили парня и засадили въ острогъ. Но въ ночь подъ Пасху за-
вѣвался надзиратель, и убѣждалъ парень изъ острога.

Убѣждалъ и спрятался подъ мостъ.

Искали—не нашли.

— Убѣждалъ, видно, въ горы.

Лежить парень подъ мостомъ и слышитъ, какъ ударилъ пасхальный
колоколъ.

Перекрестился парень.

— Христосъ воскрес!

И почудилось ему, будто изъ тины за мостомъ кто то отвѣтилъ:

— Во истину.

Примолкнулъ парень, боялся шевельнуться. Стихнулъ вѣтеръ, вы-
глянула изъ за тучъ луна, освѣтила мѣстность.

И увидѣлъ парень, какъ вмѣстѣ съ туманомъ поднялась отъ ручья
дѣвушка въ бѣломъ и потянулась къ нему.

— Кузнецова дочь я, имени нѣтъ у меня, потому что некрещенной
бросили. Мучусь я. Похристосуйся со мной, и помру я тогда христиан-
кой. Такъ сказано мнѣ.

Поднялись у парня волосы дыбомъ, и бросился онъ бѣжать отъ
моста. И сколько времени бѣжалъ—не помнилъ, и куда бѣжалъ—не
сообразжалъ.

Очнулся въ острожной больницѣ, рассказалъ все, что случилось
съ нимъ. Только никто не повѣрилъ, а за побѣгъ дали ему сто плетей.

Однако, хоть не повѣрили, все же стали говорить одинъ другому
о некрещенной дочери солдатской, и подъ слѣдующую Пасху никто не
пошелъ черезъ мостъ.

Разговѣлся острожный надзиратель и сталъ хвастать, что пойдетъ
на мостъ и ничего съ нимъ не случится.

И пошелъ.

Идетъ, а у самого сердце бьется. Кто шелъ повади—поотеталъ,
а впереди собака востъ, и пасхальный звонъ похороннымъ кажется.

Сталъ подходить къ мосту: не мостъ, а снѣжная бѣлизна.

Присмотрѣлся и видитъ—красавица стоитъ, волосы длинные рас-
пущены.

Стоитъ въ одной рубахѣ, дрожитъ, руки впередъ простираетъ.

— Пошли, говоритъ, ко мнѣ такого, чтобы еще ни съ кѣмъ не по-
христосовался. Похристосуется со мной, помру христианкой, и мать на
мѣсто въ гробу ляжетъ.

Не слушалъ дальше надзиратель, убѣждалъ къ себѣ въ острогъ и
со страха заперъ самъ себя въ одиночную.

И съ тѣхъ поръ стало всѣмъ извѣстно, что каждый годъ въ пасхальную

полночь ищетъ дѣвушка у моста, чтобы кто нибудь похристосовался съ нею, съ первой. И не можетъ найти такого храбраго, чтобы не побоялся спасти ее, хотя бы пришлось самому умереть.

Застроился городъ; кругомъ моста стали дома. Живутъ въ нихъ новые люди и не знаютъ, что случилось нѣкогда у моста.

Только одна старуха помнить, какъ рассказывала ей о несчастной солдатской дочкѣ бабка ея и будто бы, рассказывая, добавляла:

— Все же дождалась несчастненькая. Вернулась съ чужбины душа солдатская, возвратился старый солдатъ взглянуть на свои мѣста. Подъ Пасху, въ самую полночь вступилъ онъ на мостъ.

Бросилась къ нему дѣвушка и рассказала все.

Не смутилась душа солдатская. Храбрость съ жалостью въ ней вмѣстѣ жила.

— Христось воскрес!

И трижды похристосовался солдатъ съ дочкой солдатской.

И успокоились оба на вѣки.

КАРАДАГСКІЙ ЗВОНЪ

(Отузская легенда).

Капитани Яни лежить у костра, смотрить на гору.

— Какъ камбала, капитани Яни?

— А, чатра-патра... Плохо, неплохо! Куда идешь?

— Въ Карадагъ. Тамъ, говорятъ, въ сегодняшнюю ночь слышенъ звонъ.

— Энасъ нэ аллосъ охи. Одинъ слышитъ, другой—нѣтъ.

— Откуда звонъ? Изъ Кизильташа?

Капитани Яни отворачивается, что-то шепчетъ.

— Оттуда,—показываетъ онъ на море. Можетъ быть, даже изъ Стамбула.

Мы нѣкоторое время молчимъ, и я смотрю на Карадагъ.

Отвѣсными спадками и пропастями надвинулся Карадагъ на берегъ моря, точно хотѣлъ задавить его своею громадой и засыпать тысячью подводныхъ скалъ и камней.

Какъ разъяренная, бросается волна къ подножью горнаго великана,

бѣлой пѣной вадывается на прибрежныя скалы и въ безсиліи проникнуть въ жилище земли сбѣгаетъ въ морскія пучины.

Капитани Яни подбрасываетъ въ костеръ сушняку и крутитъ папирску.

Я ложусь на песокъ рядомъ съ нимъ.

— А ты самъ слышалъ?

— Когда слышалъ, когда нѣтъ.

Темнѣетъ. Черной дымкой подернулся Отузскій заливъ; черной мантией укрываетъ Карадагъ глубины своихъ пропастей.

Капитани Яни медленно говоритъ, вставляя въ рѣчь греческія слова, и я слушаю подъ шумъ прибора рассказъ стараго рыбака.

Слушаю о томъ, какъ подъ Карадагомъ былъ нѣкогда городъ, и въ заливъ входили большіе корабли изъ далекихъ странъ.

— Хроня, хроня! Какъ бѣжить время.

И, какъ тамъ, гдѣ ползетъ желтый шиповникъ, былъ прежде монастырь.

Бѣдный монастырь; такой бѣдный, что не на что было купить колоколовъ.

— Какомири! Какомири! Бѣдняки были.

Тогда въ Судакѣ жилъ Стефанъ.

— Агіос Стефанос.

И просили монахи святого Стефана помочь имъ, но былъ бѣденъ Стефанъ и не могъ помочь.

Былъ бѣденъ, но смѣлъ, не боялся сказать правду даже знатнымъ и богатымъ.

Не любили его за это царь и правители и вызвали на судъ въ ис тин Полин, въ Стамбуль.

Въ самую пасхальную ночь увозили его на корабль. Плылъ корабль мимо Карадага, и вспомнилъ святой монаховъ. Вспомнилъ и сталъ благословлять монастырь.

А въ монастырь къ заутрени прибылъ изъ города Анастас астимос, Анастасъ правитель.

Знали и боялись Анастаса на сто веретъ кругомъ.

— Фоверос антропос! Никому не давалъ пощады.

Въ тѣ времена въ странѣ былъ обычай—кто подъ Пасху оставался въ тюрьмѣ—того отпускали на свободу.

Не хотѣлъ Анастасъ исполнить обычай, велѣлъ потуже набить колодки заключеннымъ.

— Ти антропос! Вотъ былъ человѣкъ!

Узналъ объ этомъ игуменъ и не велѣлъ начинать службы.

— Ти трехи? Въ чемъ дѣло, спрашивалъ Анастасъ монаховъ.

Боялись монахи сказать, но все-же сказали.

— Охъ, строгій игумень. Не начнетъ,—если сказалъ. Отпусти людей изъ тюрьмы.

Вскипѣлъ гнѣвомъ Анастасъ, схватился за мечъ.

— Нейдетъ въ церковь, такъ самъ пойду за нимъ.

Выше церкви было кладбище. Еще теперь можно найти могилы.

Только подошелъ астимосъ къ кладбищу—зашевелились могильныя плиты.

Отшатнулся Анастасъ, опустил мечъ; отнялись у него ноги; не могъ идти дальше.

— Анастаси камѣ! Анастасъ, сдѣлай — сказалъ чей-то голосъ.

Можетъ быть, было не такъ, но такъ говорить.

— Піос ксѣври! Кто знаетъ!

Подошелъ къ Анастасу игумень, упалъ предъ нимъ Анастасъ, обѣщая сдѣлать по обычаю.

Открылъ игумень церковную дверь и запѣли монахи.

— Христос анести ек некрон.

Дошелъ голосъ ихъ до Стефана и отвѣтилъ онъ:

— Алиѳос анести. Воистину воскресел!

Но не услышали монахи, а по молитвѣ святого донесся до нихъ откуда-то перезвонъ колоколовъ.

— Тавма! Чудо случилось, и объяснилъ игумень людямъ это чудо.

Съ тѣхъ поръ, сколько ни прошло лѣтъ, всегда въ ночь на Пасху слышенъ въ Карадагѣ Стефановъ звонъ.

Точно издалека приходитъ, точно въ даль уходитъ.

Догорѣлъ костеръ; замолчалъ старый рыбакъ.

Должно быть, пришла полночь. Сейчасъ зазвонятъ. Прислушался капитани Яни.

— Акусъ?—ты слышишь?

И мнѣ показалось, что слышу.

ЯЛЫБОГАЗСКИЙ КАМЕНЬ

(Отузская легенда).

Донеслась изъ ущелья дѣвичья пѣсня, высокой нотой прорѣзала воздухъ, на мгновенье оборвалась и тутъ же, подхваченная многими голосами, развернулась по долинь.

Это дѣвушки спѣшатъ домой, покончивъ съ укладкой винограда; спѣшатъ, точно быстро набѣгающія сумерки подгоняють ихъ.

И пугливо оглядываются на заколоченный домъ, о которомъ рассказываютъ въ народѣ страшное. Одинокій домъ въ самомъ горлѣ ущелья, гдѣ не помнятъ, чтобы кто нибудь жилъ.

Торопится пройти поскорѣе это мѣсто одна отставшая и, роняя изъ платка виноградную кисть, бѣгомъ догоняетъ подругъ.

Не бойся, милая дѣвушка, никто не тронетъ тебя; давно перестали пугать людей говорящіе духи Ялы-Богазы, — съ тѣхъ поръ, какъ съ приходомъ новыхъ людей позабылась старая сказка; и одноглазый великанъ, бросавшій глыбами скаль въ проходящихъ по ущелью, не встанетъ изъ могилы.

Вмѣстѣ съ сѣрой скалой разбили эту могилу на мелкіе камни, чтобы свести въ низину, гдѣ въ зеленыхъ садахъ бѣлѣютъ хорошенькіе домики.

Иди, дѣвушка, спокойно. Дома уже дымится въ каганкѣ ужинъ, вкусный ужинъ послѣ трудового дня. И если теплая ночь пересилитъ сонную усталъ, ты прильнешь потомъ къ колѣнямъ бабушки Ирины, и расскажетъ тебѣ старуха сказку о великанѣ, о томъ самомъ, что жилъ когда то въ Ялы-Богазѣ.

Глядя на свѣтлыя звѣзды, ты не дослушаешь до конца. Изъ за высокихъ тополей покажется темный великанъ, блеснетъ горящимъ глазомъ, протянетъ къ тебѣ руки и, не доставъ дѣвичьей косы, уйдетъ въ туманы долины.

Вмѣстѣ съ ними потянется къ Ялы-Богазу, посмотрѣтъ, на мѣстѣ ли камень со слѣдами шести пальцевъ его руки.

Тверже камня и стали были они, какъ сила, которую онъ носилъ.

Изъ всѣхъ тополей самый высокій не достигалъ его плеча, и морская волна въ зимнюю бурю не могла заглушить его голоса.

Боялись великана люди и когда слышали его ревъ отъ Ялы-Богаза, спѣшили выгнать ему овцу или быка, чтобы успокоить гнѣвъ.

А вслѣдъ за спадомъ листа, въ наступающій мѣсяцъ свадебъ, хотѣлъ великанъ большей жертвы.

Тогда дрожали окна отъ его рева и потухалъ огонь въ очагѣ. Тогда напуганные люди выбирали одну изъ дѣвушекъ, уводили ее въ Ялы-Богазъ и оставляли связанной на высокой скалѣ, чтобы великанъ могъ легче вять ее.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше терпѣли отъ него люди, не зная, какъ избавиться.

Но, чтобы уйти отъ бѣды, мало только терпѣть. Нашелся, кто подумалъ такъ. Нашелся смѣлый, какъ орелъ, который не боится людей, какъ бы высоко они ни поднялись.

— Препи на тон скотосо! Нужно убить.

Посмѣялись надъ нимъ въ деревнѣ.

— Онъ—какъ гора, а ты, какъ мышь передъ нимъ.

И, чтобы посмѣяться до конца, отправили его къ великану, въ мѣсяцъ свадебъ.

— Иди, если смѣлъ не на словахъ только.

Солнце зашло за Ечки-дагъ, и отъ Кара-дага показался всхожій мѣсяцъ, а юноша не дошелъ еще до Легенерь-Кая, гдѣ ночевалъ великанъ.

Остановился онъ на одной изъ скалъ отдохнуть, оглянулся на долину.

Серебрились на мѣсяцѣ тополя, серебристой чешуей покрылось море. Стихъ вѣтеръ, смолкли голоса Ялы-Богаза, въ деревнѣ зажглись огни.

— Хорошо у насъ въ долинѣ, подумалъ юноша, — но лучше не жить, чѣмъ сносить гнѣвъ. Скоро нужна будетъ новая жертва; можетъ быть, отдадутъ мою Эльбисъ.

Вспомнилъ юноша свою Эльбисъ и запѣлъ любовную пѣенку.

— Любовь — это птичка весны;
Пришла ей пора прилетѣть,
Послали арабченка въ пустыню,
Послали узнать у гречанки,
Какъ ловится эта птичка весны.
Сказала старуха гречанка:
Глазами ловятъ птичку — любовь;
Глазами поймашь — сама
Упадетъ потомъ на уста,
А съ устъ не замедлитъ, играясь,
Проникнуть и въ сердце.

Ха, ха.

— Проникнуть и въ сердце...

— Проникла уже, подумалъ юноша и услышалъ каменный голосъ:

— „Ха, ха“, поешь-пой, лучше пой, чтобы и со мной случилось такъ, какъ поешь.

Подумалъ юноша. Улыбнулся своей мысли, обѣщалъ помочь.

— Иди завтра. Приведу свою Эльбись.

И на завтра привелъ свою Эльбись, красавицу Эльбись, лучше которой не было въ деревнѣ.

Великанъ отдыхалъ у скалы и казался горой, которая шевелилась. Оттого дѣвушкѣ стало жутко.

Но, взглянувъ на юношу, она забыла страхъ.

— Посмотри — нравлюсь ли я тебѣ, крикнула дѣвушка. Если нравлюсь — открой пошире глазъ, и я пошлю тебѣ мою птичку любовь.

И открылъ свой единственный глазъ великанъ, и пустила дѣвушка въ него каменную стрѣлу съ отравой.

Взвиль отъ боли великанъ, затрясся отъ воя его воздухъ, громовымъ перекатомъ понеслось по горамъ эхо. Хотѣлъ броситься къ дѣвушкѣ, но, ослѣпнувъ, оступился и сталъ кататься по землѣ; затряслась земля, и сама собой вырылась подъ нимъ въ скалѣ могила. И въ минуту послѣдняго гнѣва сталъ швырять онъ во все стороны глыбами скалъ. И одна такая глыба упала въ Ялы-Богавъ во дворъ заколоченнаго дома, гдѣ лежитъ и теперь со слѣдами шести пальцевъ руки великана.

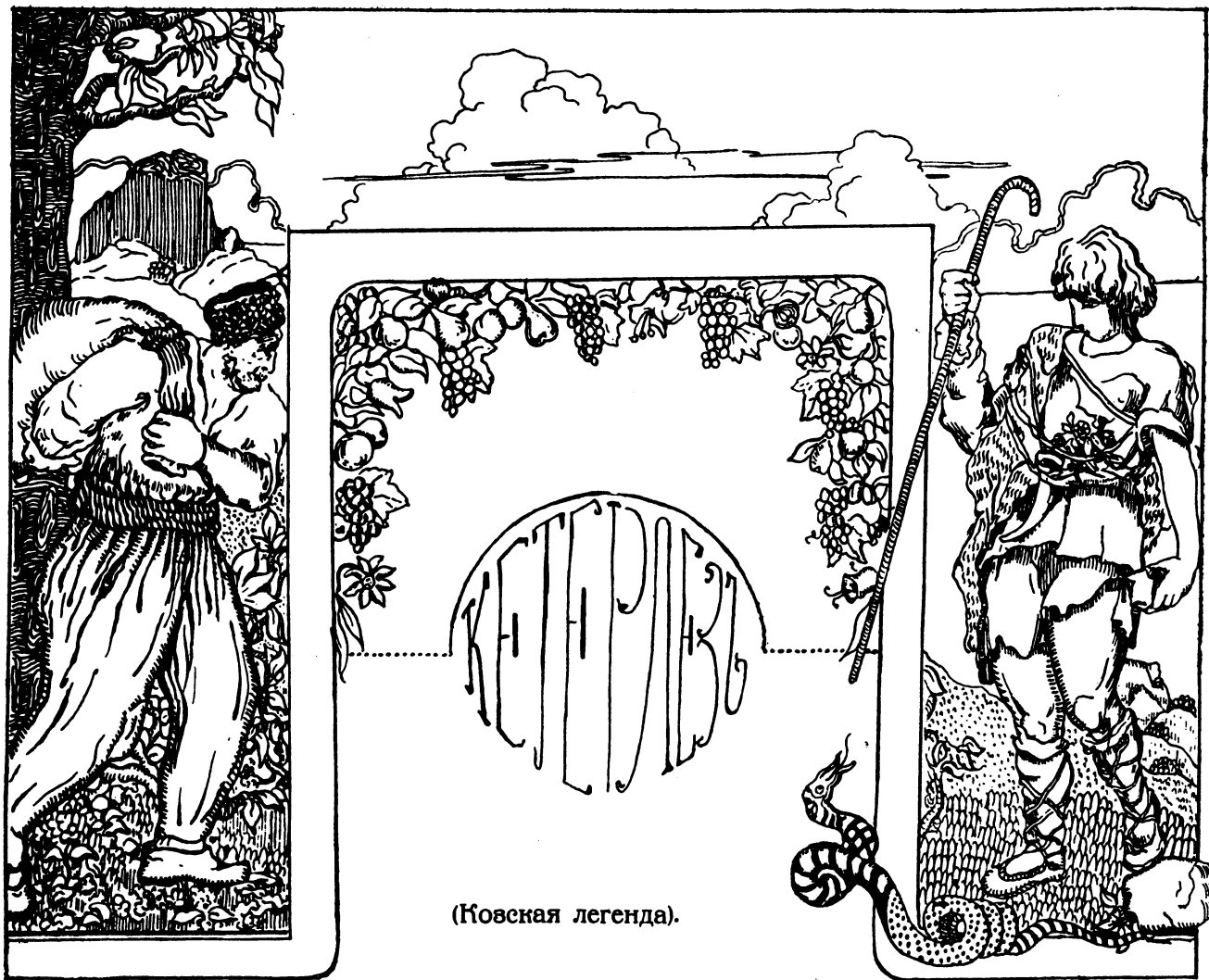
Кончена сказка. Спитъ дѣвушка на колѣняхъ старухи, и гладитъ старуха дряхлой рукой ея шелковистые волосы.

Спи спокойно, милая, не бойся страховъ. Нѣтъ больше на свѣтѣ страшныхъ великановъ.

Только отчего такъ не спокоенъ твой сонъ, такъ высоко вздымается грудь и ведрогивается юный дѣвичій станъ?

Или причудился во снѣ кто — другой, котораго боишься ты больше великана сказки, или та птичка, что поймали твои глаза, когда шла ты на работу, уже успѣла опуститься на твои уста и трепещетъ теперь въ твоемъ сердцѣ?

(Ковская легенда).

Кетерлезъ омылъ лицо водой, посмотрѣлъ въ ручей.

— Сколько лѣтъ прошло, опять молодой. Какъ земля,—каждый годъ старой засыпаетъ, молодой просыпается.

Посмотрѣлъ вокругъ. Синимъ стало небо, зеленымъ лѣсъ; въ ручьѣ каждый камышекъ виденъ.

— Кажется, не опоздалъ, подумалъ Кетерлезъ и сталъ подниматься въ гору.

У горы паслась отара. Блеяли молодые барашки, къ себѣ звали Кетерлеза.

— Отчего въ этотъ день коней, воловъ не трогаютъ, не запрягаютъ, а насъ на шашлыкъ берутъ? остановились, спрашивая, овцы.

Подогналъ ихъ чабанъ:—Нечего даромъ стоять.

По тропинкѣ ползла змѣя.

— Кетерлезъ вѣрно близко, подумаль пастухъ.

— Когда Кетерлезъ молодымъ былъ, съ коня змѣю копьемъ убилъ. Съ тѣхъ поръ, когда онъ идетъ, всегда змѣя отъ него убѣгаетъ.

Поднялъ чобанъ камень, чтобы убить змѣю. Крикнулъ ему Кетерлезъ:

— Лучше ложь въ себѣ убей, чѣмъ змѣю на дорогѣ.

Не коснулось слово сердца чабана, и убилъ онъ змѣю.

— Хорошо вышло, Кетерлезъ будетъ очень доволенъ.

Вдохнулъ Кетерлезъ; посмотрѣлъ внизъ.

Внизу, по садамъ, подъ деревьями, сидѣли люди, готовили на шашлыкъ молодого барашка.

— Ай, вкусный будетъ, когда придетъ Кетерлезъ, есть чѣмъ угостить.

— Можетъ быть прежде ходилъ, теперь больше не ходитъ, сказалъ одинъ.

Засмѣялся другой.

— Нашъ Хабибула крѣпко его ожидаетъ. Думаетъ, покажетъ ему ночью Кетерлезъ золото; богатымъ будетъ.

Сидѣлъ Хабибула на утесѣ, молчалъ.

— Отчего молчишь, Хабибула? Старымъ сталъ, прежде всегда хорошую пѣсню пѣлъ.

И запѣлъ Хабибула:

— Идемъ тебя, Кетерлезъ ждемъ; прилети, Кетерлезъ, къ намъ сегодня; принеси на свѣтлыхъ струяхъ; заиграй музыка сердца. Чал, чал, чал...

Прислушался Кетерлезъ, подумаль:

— Вотъ золота ищетъ человѣкъ, а золото—каждое слово его.

Протянулъ руки къ солнцу. Брызнули на землю лучи. Сверкнулъ золотомъ мѣсяцъ на минаретѣ.

Пѣлъ Хабибула:

— Золотой день пришелъ къ бѣдняку, — Кетерлезъ не обидитъ людей... Чал, чал, чал...

Пѣлъ и вдругъ затихъ.

Не любить его Кэтыджэ, хотъ говоритъ иногда, что любить. Нуженъ ей другой, нуженъ молодой, богатый нуженъ.

— Богатый—значить умный, говорить она.—Былъ первый мужъ богатъ—хочу, чтобы второй еще богаче былъ. Все сдѣлаю тогда, все будетъ въ рукахъ.

Смотрить Хабибула впередъ, не видить—что близко; что далеко—видить, гдѣ другіе не видятъ. Ищетъ глазами Кетерлеза среди горъ и лѣса. Вѣрить, что придетъ онъ. Обѣщаетъ поставить ему на старомъ камнѣ свѣчу изъ воска, балъ-муму.

Понялъ Кетерлезъ, чего хочетъ Хабибула, покачалъ головой.

— Тѣ, что пьютъ и ѣдятъ по садамъ, счастливыѣ этого.

Пили и ѣли люди по садамъ, забыли о Хабибулѣ и Кетерлезѣ.

Не замѣтили, какъ пришла ночь. Зажегъ Хабибула на старомъ камнѣ свѣчу, ждетъ Кетерлеза.

Долго ждетъ.

Поднялась золотая луна; услышалъ шорохъ въ кустахъ; замѣтилъ, какъ шевельнулись вѣтки, какъ освѣтилъ ихъ дальній огонь.

— Ты хотѣлъ меня, сказалъ голосъ.—Вотъ я пришелъ. Знаю зачѣмъ звалъ. Молодымъ былъ, только пѣсню любилъ, старымъ сталъ—женщину хочешь. Для нея золото ищешь.

— Для нея, сказалъ самъ себѣ Хабибула.

— Слышишь, Хабибула, какъ шумитъ ручей, молодой ручей; какъ колышется трава, свѣжая трава. Только старый ты—не услышишь завтра.

— Слышишь, какъ твое сердце бьется, хочетъ поспѣть за другимъ, молодымъ. Не успѣетъ только.

— Имѣлъ въ себѣ золото ты, было легкимъ оно. Изъ земли захотѣлъ. А поднимешь?

Не слушалъ дальше Хабибула; бросился въ кусты, откуда былъ свѣтъ.

— Не опоздать бы.

Бѣжалъ къ свѣту по лѣсу, рвалъ о карагачъ одежду, изранилъ себя.

— Теперь близко. Слышалъ самъ голосъ Кетерлеза. Въ двухъ шагахъ всего.

И увидѣлъ Хабибула, какъ подъ однимъ, другимъ и третьимъ кустомъ загорѣлись въ огнѣ груды золота.

Подбѣжалъ къ нимъ; бралъ руками горящіе куски, спѣшилъ спрятать у себя на груди. Плакалъ отъ радости и страха, авалъ прекрасную Кэтыджэ.

Тяжело было нести. Подкашивались ноги, не помнилъ, какъ добрался до деревни.

Не было даже силъ постучать къ Кэтыджэ. Упалъ у порога.

— Кетерлезъ далъ много золота. Все твое. Принесъ тебѣ, моя чудная.

Шли тихо слова, не доходили до Кэтыджэ. Спала крѣпко она, обнявъ руками другого.

Не нуженъ ей больше Хабибула.

И умеръ Хабибула.

Хабибула — ольдю.

Можетъ быть, лучше, что умеръ, не взявъ въ руки прекраснаго.

Если бы взялъ, можетъ быть оно перестало бы быть такимъ. Кто знаетъ.

Уходилъ Кетерлезъ изъ тѣхъ мѣстъ, думалъ:

— Ушелъ съ земли Хабибула — пѣвецъ, ничего, придетъ на его мѣсто другой. Пройдетъ одно лѣто, придетъ другое. Оттого никогда не умретъ Кетерлезъ.

КАРАСЕВДА

(Таракташская легенда).

— Облако, если ты летишь на югъ, пролети надъ моей деревней, скажи Гюль-Безъ, что скоро вернется домой Мустафа Чалашъ.

Пролетѣло облако, не стало видно за тюремной рѣшеткой.

Цѣлую ночь работаетъ Мустафа Чалашъ, чтобы разбить кандалы. Только „не тамъ ломится желѣзо, гдѣ его пилать“.

— Демир егелеген ерден копалмаз.

Лучше не спѣши домой, Мустафа. Подкралась Карасевда, черная кошка и ходитъ близко отъ твоего дома.

Но бѣжалъ Мустафа Чалашъ изъ тюрьмы и скрылся туда, гдѣ снѣютъ горы.

Долго шелъ лѣсомъ и зналъ, что недалеко уже Таракташъ, да трудно идти въ гору, усталъ.

А позади звенить колокольчикъ, догоняетъ,—ѣдетъ становой.

Спустился Мустафа Чалашъ въ Девленъ-дере, Пропалую балку, какъ зовутъ ее отузскіе татары.

Если нападаетъ на кого Карасевда, непременно придетъ сюда, чтобы повѣситься.

Легъ Мустафа Чалашъ подъ дерево. Вѣтра нѣтъ, а каждый листъ дрожить, шевелится, говорить что-то.

Можетъ быть, что осень пришла; можетъ быть жалѣетъ человѣка, который пришелъ сюда.

Было жарко. Закрывъ глаза Мустафа Чалашъ и пришелъ къ нему странный сонъ.

Сидитъ, будто, старый ковскій Аджи-Муратъ у себя передъ домомъ, пьетъ холодную бузу, ждетъ невѣсту. ѣдетъ свадебный мугудекъ и четыре джигита держатъ надъ нимъ на сурекахъ шелковую ткань.

Остановился мугудекъ. Бросилъ Аджи-Муратъ джигитамъ по монетѣ. Опустили джигиты золотые суреки, крикнули: айда! Подхватилъ на руки ткань невѣстинъ дядя, завернулъ въ нее невѣсту и унесъ въ домъ.

Заиграли чалгиджи, изо всей силы ударило думбало.

— Айда! крикнули джигиты и Мустафы Чалаша невѣста стала женой стараго Аджи-Мурата.

Мяукнула въ кустахъ черная кошка. Вздрогнулъ Мустафа Чалашъ, проснулся.

Смотрѣли на него съ дерева злые глаза. Не видѣлъ ихъ Чалашъ; только ныло сердце.

Совсѣмъ близко подкралась Карасевда.

Схватилъ Мустафа Чалашъ дорожную сумку, выбрался изъ балки. Увидѣлъ свои горы: Алчак-кая, Куш-кая... Легче стало.

Садилось солнце, спадала жара, по всему лѣсу неслись птичьи голоса. Запѣлъ и Чалашъ.

— Алчак-кая, Куш-кая, Сарындан-Алчак... Эмир Эмирсы бир кызы памукшанъ имшакъ.

— Слаще меда, тоньше ткани, мягче пуха Эмиръ Эмирисова дочь...

Завтра день подъ пятницу; завтра ночью пойдетъ Мустафа Чалашъ подъ окно къ невѣстѣ, скажетъ Гюль-Безъ „горячее слово“.

Скажетъ:—Любимая, самъ Аллахъ назначилъ такъ, чтобы я полюбилъ тебя. Ты судьба моя; моя тактырь. Говорить тебѣ женихъ твой.

И отвѣтитъ Гюль-Безъ:

— Ты пришелъ, значитъ цвѣтетъ въ саду роза, значитъ благоухаетъ садъ.

И расцвѣтетъ сердце Мустафы, потому что любить его та, которая лучше всѣхъ.

Пришла ночь, зажглись аѣды, зажглись огни по долинь.

Вотъ бугоръ: за нимъ домъ стараго Чалаша.

Сидитъ на бугрѣ нищій цыганъ, узналъ его.

Вернулся?

Подѣлъ къ нему Мустафа.

— Нѣ хабер? Что новаго?

— Есть кое-что...

Помолчалъ немного.

— Вотъ скажи, какой богачъ Аджи—Муратъ, а на свадьбѣ двухъ копеекъ не далъ.

— Какой свадьбѣ? удивился Мустафа.

— Гюль-Безъ вѣлъ, двухъ копеекъ не далъ.

Вскочилъ на ноги Мустафа Чалашъ, сверкнулъ за поясомъ кинжалъ

— Что говоришь?

Испугался цыганъ.

— Спроси отца.

Какъ въ огнѣ горѣлъ Мустафа Чалашъ, когда стучалъ въ дверь къ отцу и не узналъ старикъ сына, принялъ за разбойника.

Испугался еще больше, когда понялъ, что сошелъ сынъ съ ума отъ любви къ Гюль-Безъ.

Не ночевалъ дома Мустафа Чалашъ; разбудилъ двухъ-трехъ молодыхъ, поввалъ въ Судакъ раки пить.

Разбили молодцы подвальную дверь, выбили дно изъ бочки, пили.

Танцевалъ въ винѣ Мустафа Чалашъ, танцевалъ хайтурму, всю грудь себѣ кинжаломъ изранилъ, заставлялъ товарищей пить капли крови своей, чтобы потомъ не выдали.

А на другой день узнали всѣ въ Судакѣ и Таракташѣ, что вернулся Мустафа Чалашъ домой и что тронула его Карасевда.

Дошелъ слухъ до Козъ, гдѣ жилъ старый Аджи-Муратъ съ молодой женой. Испугался аджи.

— Чего не сдѣластъ человѣкъ, когда тронетъ его Карасевда.

Заперъ Гюль-Безъ въ дальнюю комнату и самъ боялся выйти изъ дому.

Но разъ пошелъ въ садъ, за деревню и не узналъ своего мѣста. Кто-то срубилъ весь виноградникъ.

Догадался Аджи-Муратъ кто, и послалъ работника заявить въ волость.

А ночью постучалъ работникъ въ дверь.

Отворилъ Аджи-Муратъ дверь; не работникъ, самъ Мустафа Чалашъ стоялъ передъ нимъ.

— Старикъ, отдай мою невѣсту.

Упалъ передъ нимъ аджи: — Не зналъ я, что вернешься ты. Теперь не пойдешь сама.

— Лжешь, старикъ, крикнулъ не своимъ голосомъ Мустафа.

— Повови се скода...

Попятился аджи къ дверямъ, заперся въ жениной комнатѣ, черезъ окно послалъ будить сосѣдей.

Сбѣжались люди.

Ускакалъ Мустафа Чалашъ изъ Ковъ, а позади него на сѣдлѣ уцѣпилась черная кошка.

Теперь всегда она съ нимъ. По ночамъ разговариваетъ съ нею Мустафа, спрашиваетъ совѣта.

И подсказала Карасевда пойти въ Ковы, къ Гюль-Безе, потому что заболѣлъ старикъ и не можетъ помѣшать повидать ее.

Удивился нищій цыганъ, когда отдалъ ему Мустафа Чалашъ свой бешметъ, а себѣ взялъ его отребье.

— Твои лохмотья теперь дороже золота для меня.

— Настоящая Карасевда. Совсѣмъ голову потерялъ, подумалъ цыганъ.

Одѣлъ Мустафа Чалашъ цыганскую одежду, взялъ въ руки палку, сгорбился, какъ старикъ, и пошелъ въ Ковы просить милостыню.

Кто хлѣба, кто монету давалъ. Пришелъ и къ Аджи-Мурату. Лежалъ больнымъ Аджи-Муратъ и сидѣла Гюль-Безе одна на ступенькѣ у дома. Протянулъ къ ней руку Мустафа Чалашъ и положила ему Гюль-Безе въ руку монету. Не узнала его.

Сжалось сердце, зацарапала Карасевда.

— Мустафу Чалаша забыла?

— Атылан іок гери донмез.

— Пущенная стрѣла назадъ не возвращается, покачала головой Гюль-Безе.

— Значить, забыла, крикнулъ Мустафа Чалашъ и бросился къ ней съ ножомъ.

Но успѣла Гюль-Безе уклониться и скрылась за дверь.

И пошли съ тѣхъ поръ на суданской дорогѣ разбой. Не было ночи, чтобы не ограбилъ кого Мустафа Чалашъ. Искали его власти; знали, что гдѣ-то близко скрывается и не могли найти.

Потому что нападалъ Чалашъ только на богатыхъ и отдавалъ награбленное бѣднымъ.

И скрывали его таракташскіе татары, какъ могли.

— Все равно, скоро самъ уйдетъ въ Девленъ-дере.

И ушелъ Мустафа Чалашъ въ Девленъ-дере.

Въ лохмотьяхъ пришелъ; одинъ пришелъ, бросили его товарищи, увидѣли, что совсѣмъ сумасшедшимъ сталъ. Ужъ не ночью только, цѣлые дни разговаривалъ Чалашъ съ черной кошкой. Желтымъ сталъ, не ѣлъ, глаза горѣли такъ, что страшно становилось.

Пришелъ въ Девленъ-дере и легъ подъ то дерево, гдѣ отдыхалъ, когда бѣжалъ изъ тюрьмы.

Заснула скала подъ синимъ небомъ, хотѣлъ заснуть и Чалашъ. Не могъ только. Жгло что-то въ груди, ловили губы воздухъ, не могъ понять, гдѣ онъ.

Три большихъ дуба подошли къ нему и одинъ больно ударилъ по головѣ.

— Затягивай крѣпче шею, сердился другой, старый, похожій на Аджи-Мурата.

Толкнулъ третій изъ-подъ ногъ камень и повисъ Мустафа Чалашъ въ воздухѣ.

Нашли его отузскіе еще живымъ и добили кольями.

— Отузскіе всегда такъ, говорили въ Козахъ и жалѣли Чалаша.

— Настоящіе горцы, настоящіе „таты“, хвалили таракташцевъ въ Кутлакѣ и Капсихорѣ.

Вздохнетъ таракташецъ, вспоминая Чалаша.

— Сейчасъ тихо у насъ. Кого убили, кого въ тюрьму увели. И увидѣвъ орла, который паритъ надъ Бакыташемъ, опуститъ голову.

— Были и у насъ орлы. Высоко летали. О нихъ еще помнятъ старики. Не случись Карасевда, Мустафа Чалашъ такимъ-бы былъ.

АЙ - САВВА

(Судакская легенда).

Ихъ было три, три старыхъ, почти слѣпыхъ монаха. Такихъ старыхъ, что забыли-бы какъ ихъ зовутъ, если-бы не поминали каждый день за молитвой:

— Павло, Спиридо, Василевъ.

Пришли татары, взяли крѣпость, сожгли Сугдею.

Кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ въ горы; разбѣжались и монахи.

Только Павло, Спиридо и Василевъ остались у Ай-Саввы, у святого Саввы, потому что куда бѣжать, если не видишь, что на шагъ

впереди. И еще потому, что, когда долго живешь на мѣстѣ, трудно съ нимъ разстаться.

Въ тотъ годъ раньше времени настала студная зима и покрылись крылья Кушъ-ная, Соколъ-горы снѣжнымъ пухомъ. Сильнѣе прежняго гудѣлъ Сугдейскій заливъ прибоемъ волнъ; плакалъ, взвививая, острый вѣтеръ ущелья; по ночамъ вылъ звѣрь у самой церковной ограды. А передъ днемъ Рождества налетѣла снѣжная буря и не могли старцы выйти изъ келій, чтобы помолиться въ церкви.

Уже нѣсколько дней не встрѣчались они и не знали—живы-ли, нѣтъ.

Но въ праздникъ Василевсъ, менѣе старый, чѣмъ другіе, ударилъ въ церковное било и когда на зовъ его никто не отозвался, догадался, что Павло и Спиридо оставили его навсегда.

Стоять рядомъ кони, не думаютъ одинъ о другомъ, а уведутъ одного—скупаетъ другой.

Взгрустнулось Василевсу. Видно близокъ и его часъ.

— Савва, преподобный отецъ, молился Василевсъ, опустившись на церковную плиту, и думалъ о близкомъ концѣ.

Но стихъ ураганъ и въ церковное оконце залетѣлъ солнечный лучъ.

Обрадовался ему Василевсъ.—Можетъ быть еще поживу.

Придетъ весна, запоетъ въ лѣсу хораломъ птицъ, закадитъ передъ Творцомъ благоуханіемъ земли.

— Докса си, Киріе, докса си. Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ.

Такъ думалъ Василевсъ и улыбнулся своей мысли.

— И хора инѣ одельфи дис липис.

— Радость и печаль—сестры, только одна стоитъ впереди и не хочетъ оглянуться на другую, пока не случится.

Распахнулась тяжелая дверь. Оглянулся Василевсъ.

У входа сверкнули мечи.

— Вотъ монахъ, крикнулъ передовой, и рванулъ Василевса за руку, чтобы показаль, гдѣ скрыты богатства.

Потянулся Василевсъ взглядомъ къ алтарю. Онъ послѣдній, кто служилъ передъ нимъ, кто благодарилъ Творца за радость жизни.

Убьютъ его, запустѣетъ храмъ, рухнутъ стѣны.

И воззвалъ къ Саввѣ, чтобы спасъ обитель.

Точно спала на мигъ пелена съ глазъ, оварилась церковь лучистымъ свѣтомъ и изъ-за престолянаго камня поднялся въ свѣтъ высокій старикъ.

И когда напавшій ударилъ Василевса мечемъ и брызнула на полъ его кровь, свѣтлый старикъ коснулся рукой престолянаго камня.

И изъ него истекъ источникъ живой воды.

— Мегасъ и Киріе, не ѡавмаста та ерга су. Великъ Ты, Господь, и чудны дѣла Твои.

Прошли тысячи зимъ мягкихъ и суровыхъ, забыли въ Айсавахъ о святомъ Саввѣ, а источникъ бѣжить по-прежнему изъ-подъ престольнаго камня и тамъ, гдѣ пробѣгаетъ свѣтлый ключъ—растутъ цвѣты и плоды и радуется человѣкъ.

К Э Д Э

(Алуштинская легенда).

Кошка, когда крадется, чтобы поймать птицу, не такъ была хищна, какъ Назлы дочь Решеида.

Ахъ, Решеидъ, Решеидъ, Аллахъ знаетъ, какъ наказывать человѣка.

Въ Демерджи боялись Решеида. Злой былъ человѣкъ; злой и хищный, какъ старая лисица. Тихо говорилъ; балданъ татлы — сахарное слово зналъ, улыбался, придумывая человѣку обиду.

Пошла Назлы въ отца. Ласкалась, хвалила его; ра-спускалось у отца сердце, какъ благоухающая роза.

Тогда дергала Назлы отца за бороду, царапала, кусала его, и убѣгала въ жасминъ. Не достанетъ тамъ отецъ.

— Хи!

Скрывалъ Решеидъ отъ людей свое горе и попрежнему былъ важенъ, когда на улицѣ ему кланялись и свои, и чужіе.

На много веретъ кругомъ знали Решеида. Отъ Демерджи до Алушты тянулись его сады, а тратилъ на себя меньше, чѣмъ слѣпой Мустафа.

Напрасно все это, Решеидъ-ага.

Умретъ богачъ, не больше останется, чѣмъ отъ бѣднаго.

Бхалъ Решеидъ изъ Алушты, продалъ хахылгана.

Если побить больного по спинѣ и потомъ продать бѣлаго пѣтуха, -- хахылгана, то, когда начнутъ зеленѣть деревья, вся твоя болѣзнь перейдетъ къ другому, кому продалъ хахылгана.

Болѣлъ у Решеида давно животъ, теперь больше не будетъ болѣть.

Шла дорога въ гору. Устали лошади бѣжать, усталъ Сейтаръ погонять.

— Айда, Сейтаръ, сердился Решеидъ.

Не свои были лошади, чужихъ нанялъ, нечего было жалѣть.

Смотрѣлъ Решеидъ-ага на свой садъ, пріятно было.

Миндаль одѣлся листьями, другія деревья были въ цвѣту.

Думалъ Решеидъ: — Кто нибудь двадцать тысячъ дастъ, опять не отдамъ.

Оглянулся назадъ. Высоко поднялись. Синее море, какъ стѣна стало. Красиво было смотрѣть. Только не подумалъ объ этомъ Решеидъ-ага, о другомъ подумалъ.

— Какъ много добра даромъ пропадаетъ. Когда кушаютъ люди, сколько сала на тазу остается...

Мяукнула у плетня кѣдэ, кошка.

— Отчего кѣди эти, напимѣръ, нельзя ѣсть? Ну, самъ не ѣшь, гостей можно накормить. Прибавить курдюку — хорошій пилавъ будетъ.

Пріѣхалъ домой. сказалъ Назлы, что думалъ по дорогѣ.

Смѣялась Назлы.

— Вотъ хорошо. Непремѣнно сдѣлаемъ такъ. Соберемъ сосѣдскихъ кошекъ. Сама рѣзать буду. Поведемъ гостей изъ Шумы!

Радъ былъ Решеидъ посмѣяться надъ шуминцами.

Давно хотѣлъ ихъ наказать за то, не что продали ему лѣса.

— Сдѣлаемъ. Только смотри, никому не говори.

Пропала кошка у одного, у другого. Мало ли куда могла забѣжать. Не удивились.

Удивились, что Решеидъ-ага гостей изъ Шумы позовалъ всѣхъ, кто бороду запустилъ.

— Не даромъ.

Подала Назлы пилавъ. Дымился рисъ, только немножко непріятный запахъ былъ. Точно кошка близко ночевала.

Однако шуминцы ѣли, нѣкоторые даже хвалили.

— А ты отчего самъ не ѣшь? угощала Назлы отца.

— Попробовалъ бы, какъ я приготовила.

Отплюнулся въ сторону Решеидъ, смолчалъ.

А шуминцы хвалили.

— Хорошая хозяйка у тебя дочь, охъ, хорошая, въ тебя вся пошла.

И много еще другого говорили хозяину.

Только икнулъ одинъ и показалось ему, что въ животѣ у него мяукнула кошка.

Слышали другіе, подумали:

— Обрадовался человѣкъ, что въ гостяхъ обѣдѣлся.

Однако, когда на ночь вернулись въ Шумы, не у одного, у всѣхъ замяукало въ животѣ.

Не спали всю ночь, мучились, точно кто царапалъ внутри.

А старый Асанъ чуть не умеръ.

— Да что ты, кошку что ли съѣлъ, сердился на него сынъ, потому что тотъ не давалъ ему спать.

И подумалъ Асанъ—не посмѣялся ли въ самомъ дѣлѣ надъ ними Решеидъ-ага, не накормилъ ли дрянью.

А на утро вся деревня узнала, что накормилъ Решеидъ-ага людей пивомъ изъ кѣдѣ.

Шли мимо два демерджинца и посмѣялись надъ глупостью шуминцевъ.

Обрадовались, кошатины наѣлись. Мяу, мяу!

И стало отъ всѣхъ шуммицевъ послѣ этихъ словъ пахнуть кошкой. И черезъ мѣсяцъ, и черезъ годъ, и черезъ десять лѣтъ, и даже теперь не прошло. Ѣдешь мимо Шумы слышишь кошку.

Можетъ быть, что и прибавилъ; не прибавишь хорошо не расскажешь.

— Артмасы—ганиме.

Только одно правда. Если проѣзжаешь по шоссе мимо Шумы—не дай Богъ сказать—мяу.

Лучше молчи.

Хорошо если тебя обругаютъ, или плюнутъ, случится топоръ, и топоръ въ догонку полетитъ. А не вѣришь—испытай. Крикни, проѣзжая—мяу.

Посмотри—что выйдетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Элькенъ-кая, парусъ-скала	1
Старый храмъ	5
Мысь Ильи	9
Мамаева могила	12
Солдаткинъ мостъ	16
Карадагскій звонъ	20
Ялыбогазскій камень	23
Кетерлезъ	26
Карасевда	30
Ай-Савва	35
Кэдэ	38

Факсимильное издание
Симферополь, «Таврида», 1990